

РЕЛИГИЯ ПАСТВЫ: СЕЛЬСКИЕ СУРБЫ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ*

Согласно данным социологических опросов, Армения – одна из самых религиозных стран Европы. Однако, в некоторых селах Апаранского района Арагацотнского марза приходская жизнь почти полностью отсутствует. Повседневная религиозность местных жителей связана с сурбами – домашними и сельскими святынями. К сурбам относят и некоторые природные объекты в окрестностях сел. В Армении сосуществуют две параллельные религиозные культуры христианского апостольского вероисповедания и относящихся к ним практик. Одна – это официальная Армянская Апостольская Церковь с церквями, священством и окормляемой паствой, другая включает в себя вернакулярные практики и верования значительной части самой этой паствы. Сельский сурб – один из феноменов вернакулярной религиозной культуры. В статье делается попытка типологизации сурбов, описываются ритуалы и практики почитания сельских святынь.

Ключевые слова: армяне, сурб, вернакулярные практики, христианство, сельское сообщество

Армения была первым в мире государством, принявшим христианство в качестве государственной религии¹. Религиозная и этническая составляющие традиционно считаются основой армянской идентичности. Л. Абрамян определяет религиозную самоидентификацию армян термином *hay-k'ristonya*, что в буквальном переводе означает «армянин-христианин». Этот сложносоставной термин – не расчленяемое целостное понятие (Abramyan 2006: 112). Среди армян бытует мнение, что каждый армянский младенец рождается в лоне апостольского христианства, а посещающий литургию в Армянской Апостольской церкви (далее ААЦ), в какой бы части мира она не находилась, со сто процентной вероятностью окажется армянином. Наряду с Польшей и Грузией, по материалам социологических опросов, Армения входит в тройку европейских стран с самым высоким уровнем религиозности². Согласно собранным нами данным в сельской местности одного из регионов Армении³, сельчане обозначают себя

Крюкова Наталья Владиславовна – преподаватель Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, аспирантка Института этнологии и антропологии. Эл. почта: nkryu@mail.ru. **Natalia V. Kryukova** – Institute of Ethnology and Anthropology. E-mail: nkryu@mail.ru

¹ В армянской церковной и научной традиции датой обращения считается 301 г.

² К примеру, согласно данным «World Values Survey» 89,3% от общего числа опрошенных армян отметили, что религия играет важную роль в их жизни. Для сравнения: в Грузии – 97,1%, в Польше – 79,6%, в России – 41,8 % (WVS, V9).

³ Эта статья основана на материалах, собранных в селах Апаранского района Арагацотнского марза в 2015–2018 гг.

как верующих, а веру и религию называют в числе основных жизненных ценностей. Тем не менее, приходская жизнь в этих селах практически отсутствует.

В селах этого региона Армении есть действующие церкви, в некоторых селах их несколько. Посещаются эти церкви в основном лишь в дни больших церковных праздников. Повседневная духовная жизнь в селах протекает в *сурбах* – домашних святилищах, сельских молельнях и небольших часовенках. К *сурбам* относят и некоторые природные объекты, расположенные вблизи сел. Обустройство, посещение и паломничество к *сурбам* – наиболее распространенные формы вернакулярных христианских практик местных жителей.

Все святые места жители называют *сурб*¹, что в переводе с армянского означает «святой». *Сурбам* именуют и собственно святого, и локус, где святой как бы обитает, и пространство, в котором происходит почитание. Святой может ассоциироваться с одним или несколькими предметами или объектами. *Сурбам* может быть церковь или руины церкви, *хачкар*², природный или географический объект: камень, родник, дерево, гора, пещера, а также книга, картина или какое-то изображение – в общем, все то, что местные жители по каким-то причитам наделяют святостью. Подобные святыни в Армении встречаются практически повсеместно. Одни из них признаются лишь жителями конкретного села, к другим стекаются паломники со всей округи, а иногда и со всей страны. Подобные общеармянские святыни имеют особый день почитания³. Обычно он совпадает с праздником Вознесения Господня – *Амбарцум* – и отмечается на 40-й день после Пасхи.

В селах, где проходила наша работа, существуют целые комплексы *сурбов*. К примеру, в селе Лусагюх⁴, две действующие церкви – *Сурб Тух Манук* и *Сурб Мариам Аствацацин*, почитаемые руины церкви IV в. *Мхеи Ванк*, порядка десяти домашних святынь, а также два *сурба* в ближайших окрестностях. *Сурбы* располагаются в хозяйственных помещениях, рядом с хлебом, в специальных пристройках, в жилом пространстве дома. Существует также несколько отдельно стоящих *сурбов*-часовенок. некоторые *сурбы* пользуются значительно большей популярностью, чем церкви. Некоторые информанты сообщали нам, что ходят в молельни практически ежедневно, а в церковь лишь изредка или только по большим праздникам. В повседневной жизни сурбы фактически заменяют верующим церкви⁵.

У каждого сурба есть тот, кто за ним присматривает и тот, кто там убирает. Если *сурб* расположен на территории домохозяйства, смотрителем скорее всего будет женщина среднего или пожилого возраста – свекровь или незамужняя сестра хозяина дома,

¹ Домашние святилища, сельские часовни также называют матур (арм. *matuur* – часовенка). В селах, где проходила наша работа, местные жители этот термин не использовали в качестве собирательного. О терминах см.: (Antonyan 2011).

² Хачкар, дословно «камень-крест» (от арм. «*khach*» – крест, «*kar*» – камень) – особый вид армянского религиозного памятника, представляющий каменную стеллу или плиту с вырезанным крестом. Широко распространены также деревянные резные хачкары.

³ О нескольких таких святилищах в Котайской области Центральной Армении, объединенных в единую паломническую сеть см. исследование Л. Абрамяна «The Chain Of Seven Pilgrimages in Kotaik, Armenia» (Abramian 2018).

⁴ В селе постоянно проживает ок. 600 чел.

⁵ «Разницы никакой нет: идти сюда или в церковь. Это то же самое. Тут только не раздают хлеб, не проводят службу. Тут ты один, сам с Богом, вокруг нет никого, никто не мешает... Ты можешь прийти и сказать, что хочешь Богу. Я люблю ходить, мне так очень нравится» (информантка А., 22 года) (ПМА 2016).

реже невестка. Семья, которой этот *сурб* принадлежит, поддерживает в нем порядок и контролирует его посещаемость. *Сурбы* также обустроивают признаваемые местными жителями ритуальные специалисты и целители, довольно часто они используют в своей работе магические практики. При этом они воспринимают *сурб* в первую очередь как место поклонения святому, а уже затем как место своей работы (Антонян 2008: 114).

Внутреннее пространство *сурбов* организуется хозяевами совместно с посетителями¹. В святилищах присутствует церковная утварь, на стенах висят репродукции икон, картины на религиозные темы, нарисованные на ткани или собственноручно вырезанные из дерева изображения Христа и Девы Марии, макеты или изображения церквей, *хачкары*, платки с нашитыми крестами – *шушпы*². Это votivные подношения *сурбу* в благодарность за избавление от болезни или несчастья или же наоборот – с просьбой о помощи. Забрать такой «дар» из *сурба* никто, даже сам даритель не может. Потому, даже в заброшенных молельнях, votivные подношения остаются в неприкосновенности и даже тогда, когда из помещения все остальное уже вынесено.

Шушпы и дары хранятся в *сурбах* десятилетиями. Обычно, раз в год в *сурбе* делают уборку. Прикасаться к votivным подношениям позволено только девочкам или незамужним женщинам. *Шушпы* моют в новом тазике мылом, которое используется только для этих целей; воду после уборки выливают в особых местах, например, рядом с церковью. Если в семье дочери уже вышли замуж, внуки еще не подросли или их просто нет, то к *сурбам* и *шушпам* могут годами не прикасаться. Считается, что истлевшие *шушпы* и испорченные подношения следует сжечь в огне, зажженном от жертвенной свечи, а пепел закопать рядом с церковью.

Если попытаться построить общую типологию *сурбов* данного района Армении, то с некоторой долей условности святилища можно разделить на несколько типов. К первому типу относятся домашние святилища тан *сурбы* и общедоступные сельские часовенки, то есть объекты, расположенные внутри села и его построек, обустроенные сельскими жителями на свои средства и своими силами. Ко второму типу – *сурбы*, связанные с природными объектами – родниками, деревьями, горами. Они находятся на пределах сел. К третьему типу – церковные строения, независимо от степени сохранности. Подобное деление весьма условно: для самих сельчан все эти объекты находятся в общем поле сакрального, хотя и различаются по степени своей святости.

***Тан сурб* и семейные реликвии**

Важным поводом для создания святилища является наличие в семье, так называемого, *тан сурба* – особо почитаемой, переходящей из поколения в поколение, семейной реликвии. *Тан сурб* буквально означает «святой дома». В центральном по-

¹ Интересно, что предметное наполнение *сурбов* на фото 1970-1980-х гг. практически не отличается от современного. Новое, что появляется – votivные подношения уходящих и вернувшихся со службы в Арцахе, а также макеты и изображения церквей; фото см. (Тер-Саркисянц 1998; Крюкова 2018).

² В Армянском Апостольском Христианстве не используют канонические изображения святых. В церквях нет икон, но встречаются немногочисленные разного рода изображения: репродукции, самодельные картины на религиозные темы, вырезки из журналов и католических календарей с изображениями на библейские и евангельские сюжеты. Подобные изображения присутствуют и в сельских *сурбах*. Очень популярны, к примеру, репродукции и журнальные фото «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

мещении традиционного армянского дома, помимо главной святыни – домашнего очага – существовал «священный угол», в котором бережно хранились семейные реликвии (Marutyán 2001). «Святыми дома» могут быть книги, металлические кресты, а также практически любые предметы, символически обозначающие веру и почитаемые хозяевами как священные. Ими также, как правило, становятся предметы, спасенные от уничтожения и вывезенные предками из Западной Армении. Довольно часто семейным *сурбом* является рукописная или первопечатная книга. *Сурб Нарек* – наиболее распространенное имя такой реликвии¹, и в обиходе подобные сурбы называют *нареками*.

Тан сурб наделяют способностью исцелять физическую и душевную боль, помогать членам семьи в трудную минуту. Люди сообщают, что домашние святые дают советы, являясь членам семьи во сне, и даже могут наказать заслушание и неповиновение. Подобные святыни, зачастую, становились знаменитыми за пределами села: весть об их исцеляющей силе распространялась по округе. К ним устремлялись паломники, ища исцеления, помощи и покровительства. Сегодня владельцы таких реликвий достают их лишь в особых случаях, к примеру, если тяжело заболел кто-либо из членов семьи, особенно ребенок (Armenian 2001: 58).

В одном из домов в селе Лусагюх *тан сурб* хранится в специальной стенной нише в центральной комнате дома. Его называют *Сурб Нарек*. Это – рукописное Евангелие, написанное на *грабаре*². Книга бережно обернута в несколько специально сшитых и украшенных вышивкой конвертов из ткани, и, как того требует традиция, хранится в шкатулке, запирающейся на ключ в форме креста. У святыни есть свой хранитель – пожилая незамужняя женщина. Из всех членов семьи только она имеет право прикасаться к *сурбу*. Прежде чем книга достается, обязательно приносится жертва в виде зажженной свечи. Члены семьи с большим почтением прикладываются к книге, предварительно осенив себя крестным знаменем. Вместе с книгой в шкатулке в отдельных конвертах хранится православный образок и камешки. Они вместе с ключом-крестом и книгой являются *сурбом*. Камешки наделяются целебной силой. Мать и бабушка Султан – хранительницы *сурба* – обладали способностью исцелять с помощью креста, книги и камней. Знание о том, как именно пользовались книгой и камешками предки, какие именно совершали ритуалы, в семье утрачено. Когда появляется повод – болезнь или неприятности – Султан приносит жертву «святому дому», достает книгу и, по ее словам, просто молится (ПМА 2016; ПМА 2018).

Еще во второй половине XIX века в Армении широко практиковался обряд исцеления книгой, который мог проводиться и сельским священником. Во время обряда священник и исцеляемый становились на ковер, символически обозначающий священное пространство. В одной руке священник держал книгу, в другой крест-ключ. Зачитывая отрывки из книги, священник-целитель прикладывал крест к губам исцеляемого. Книга и крест использовались как оружие в борьбе с демонами (Armenian 2001: 93).

Довольно часто *тан сурбами* являются так называемые «талисманы»-*hmayil*. Это особый тип иллюминированных рукописных книг, являющихся по своей сути

¹ *Нарек* – имя, производное от имени Святого Григора Нарекаци (ок. 951 – 1003) – армянского поэта, философа, богослова, представителя раннеармянского Возрождения. Католической церковью почитается как один из 36 Учителей Церкви. Наиболее известное произведение, созданное им незадолго до смерти – «Книга скорбных песнопений». Существует поверье, что эта книга обладает чудесной силой. Чтение книги было распространенной целительской практикой.

² Древнеармянский язык письменности и богослужения.

амулетом. Они появились и получили широкое распространение в Армении в XV–XIX вв. Талисманы – это свитки из бумаги или пергамента длиной от двух до тридцати метров и шириной от четырех до 20 см¹, предназначенные для постоянного ношения на себе. Первые упоминания о талисманах находят еще в судебныхниках VI–VII вв. Судебники содержат запреты иметь при себе письменный талисман, а в случае неповиновения предписывают наказывать за проступок отлучением от церкви. Вера в магическую силу талисманов каралась наряду со лжесвидетельством и ложной клятвой (*Одабашиян* 1976: 109). Функционально письменные талисманы ничем не отличались от оберегов. Считалось и продолжает считаться, что талисманы, как и предметные обереги, охраняют от злых сил, дарят удачу и счастье. Это еще и особый литературный жанр. Содержание текстов – различные заговоры, молитвы, выдержки из апокрифической литературы, священных книг, житий святых и пророков, христианской канонической поэзии и произведений фольклора. Заговоры в талисманах писались в специальных кругах, квадратах, треугольниках, строчками сверху вниз, слева направо, вдоль и поперек, со стремлением создать путаницу. Вероятно, существовало убеждение, что это затруднит «отмену» заговора и придаст ему большую силу. Талисманы украшались миниатюрами религиозного и бытового содержания: изображениями святых, божеств, духов и связанных с ними обрядов и представлений. Очень распространено изображение Святого Георгия. Талисманы написаны, как правило, на *грабаре*, реже на *аихарабаре* – современном литературном языке. (Там же: 112). Талисманы изначально создавались для конкретного человека. Впоследствии, они переходили из рук в руки, из поколения в поколение и становились *тан сурбом* определенной семьи. Современные владельцы таких *сурбов*, как правило, не в состоянии прочесть тексты на *грабаре* и не знают, владеют ли они средневековой рукописной Библией или свитком с магическими заговорами. Однако, это не мешает им почитать свой *тан сурб* как подлинную христианскую святыню.

Официальная церковь в разные периоды пыталась ослабить влияние подобных верований, отобрать семейные реликвии, в особенности, христианские рукописные книги. Эти попытки часто встречали сопротивление местных жителей, поскольку и хозяева, и односельчане верили, что утрата святыни принесет несчастье не только ее владельцам и их близким, но и всей общине в целом (*Petrosyan* 2001: 64). Более успешные попытки изъятия книг-святынь были произведены в советские времена в 1950–1960 гг. на волне реализации всесоюзной политики сохранения, изучения и пропаганды национального культурного наследия. По республикам СССР прокатилась волна создания Обществ охраны памятников, а также этнографических и палеографических экспедиций, которые снаряжались в том числе и с целью разыскания и сбора редких книг. Информанты рассказывали нам, как их родители наотрез отказывались передавать *нареки* в музей, однако часть соседей добровольно передавала рукописные книги и талисманы государству. Как отметили Ж. Кормина и С. Штырков, «идеология «культурного наследия» обладала большой убедительной силой» (*Кормина, Штырков*: 19). Хозяев старинных книг уговаривали передать их заботам музеев, по причине того, что они не могли обеспечить сохранность и надлежащий уход за старинными памятниками. Таким образом, изъятые рукописные книги меняли свой статус: «семейная святыня» переходила в ранг «национальной святыни».

¹ Значительное собрание талисманов хранится в Научно-исследовательском институте древних рукописей им. Маштоца (Матенадаране).

Церкви-святителища

Во многих селах этой части Армении есть значительное число церквей периода раннего и классического Средневековья в разной степени сохранности. Они, как правило, являются охраняемым объектом культурного наследия, а также объектами глубокого почитания местных жителей. Культ руин и разрушенных церквей – одна из форм вернакулярных христианских практик в Армении. В армянском языке существует особый термин для обозначения разрушенных церквей – *khonarhvats*, что означает «склонившаяся/поклонившаяся». ААЦ не признает подобных святынь до тех пор, пока они не будут заново отстроены и освящены. Однако для местных жителей святость «склонившейся» церкви ничуть не меньше, чем церкви действующей и освященной по всем официальным каноническим правилам (Antonyan 2014: 38).

В одном из сел, где проходила наша работа, бытует несколько легенд, связанных с двумя сельскими церквями. Первая церковь на сегодняшний день полностью восстановлена, вторая церковь (IV в.) по-прежнему лежит в руинах. Вот, к примеру, что рассказывает о восстановленной церкви одна из легенд: *«Один мужик, когда совсем было холодно, пошел, где церковь наверху, и там срубил себе дрова, на спину дрова повесил и пошел вниз. Когда пришел (на место, где сейчас руины), не смог дрова скинуть: они прилипли к спине. Пришлось ему обратно на самый верх идти, и там дрова только смог снять с себя. Потому что это место святое и оттуда нельзя ничего забрать»* (информантка С., 43 года) (ПМА 2016). Разрушенная церковь тоже не просто руины: *«А в той церкви, что за селом, золото есть в земле. Наша соседка, она – ясновидящая, сейчас в Ереване живет. Когда-то она сны видела, типа, там золото есть под этой церковью. Там очень много золота. Но никто не смог там копать. Просто бояться, потому что святое место там. Ничего оттуда брать нельзя. Были случаи, когда плохо людям было, когда пытались. Вот и бояться»* (информант А., 45 лет) (ПМА 2016). В представлении жителей села места расположения этих двух храмов священны и связаны между собой. *«Это еще с тех пор повелось, в древних времен, когда не было в Армении церквей. Поэтому эти места более святые считаются, чем церковь»*. (информантка Н., около 50 лет) (ПМА 2016).

Само название верхней церкви *Тух Манук*, по мнению некоторых арменоведов, указывает на тот факт, что на месте данной церкви скорее всего располагалось дохристианское святилище (Harutyunyan, Kalantaryan 2001)¹. Нечто подобное говорили нам и местные жители. Они уверены, что их *Сурб Тух Манук* стоит на особом месте, и это придает церкви дополнительную святость и, как следствие, особую силу и ценность.

Интересно, что святость как таковая в представлении местных жителей имеет свою градацию. У сельчан существует своеобразный рейтинг местных святынь. Руины церкви IV в. считаются «более святыми», чем действующая церковь в центре села, где относительно регулярно проходят литургии, а церковь *Тух Манук*, где ли-

¹ *Тух Манук* в букв. переводе означает «темный/смуглый малыш». В литературе встречается также слитное написание: церковь св. *Тухманука*. Существует отдельный тип святилищ с таким названием, которые, обычно, связаны с останками церкви, часовенок или же каменными кладками, скалами и даже деревьями (Abramyan et al. 2018: 77). У рассматриваемой церкви с. Лусажюх две эпостаси: официальный освященный ААЦ храм, где совершается литургия, и вернакулярный сельский *сура*. О святилищах *Тух Манук* см. также: <http://armeniatourismmagazine.ru/sights/230-narodnye-svyatilishcha-tukh-manuk>.

тургии проходят лишь раз или два в год, считается наиболее святым местом из всех. Если святость представить в виде пирамиды, то на самом верху, по мнению жителей села, расположится *Сурб Тух Манук*, под ней будут располагаться руины раннесредневековой церкви *Мхеи Ванк*, затем святилище за селом *Сурб Цар*¹, ряд *тан сурбов*, связанных с древними книгами, для которых обустроены молельни и часовни внутри села. Церковь, где регулярно проходят службы, окажется в самом низу этой пирамиды. Вообще, освящение церкви официальным представителем ААЦ, вовсе не означает, что она автоматически становится для сельчан святым местом. Святым и священным почитается лишь то место, где, по мнению местных жителей, в большей степени пребывает святой и Бог, к которому можно обратиться со своими чаяниями. Категория святости в представлениях местных жителей оказывается прочно связанной с категорией силы как некоей потенциальной возможностью получить реальную помощь от Бога, если обращаешься к нему напрямую в данном, конкретном месте.

В селах доступ к *тан сурбам* открыт, любой желающий, а не только житель данного села, может прийти и помолиться святому, оставить дар, совершить обетную или благодарственную жертву – *матах*². «Люди приходят. Увидят во сне сурб и приходят. Незнакомые тоже, не только родственники». «Если человек видит этот сурб во сне или кого-то из нашей семьи, значит у него будет удача. Если есть желание, он зажигают свечку в этом сурбе, приносят картины, шали, ткани, сделанное своими руками» (ПМА 2018).

Обустройство *сурбов* и строительство церквей в Армении напрямую связано с традициями визионерства. Обычный местный житель, равно как и местный олигарх, могут загореться идеей построить *сурб* или восстановить церковь из руин после ряда пророческих снов или видений. Сны и видения для верующих – это свидетельства чуда и присутствия Бога или святого и в замысле, и его воплощении³. Святость *сурба* в данном случае нисходит непосредственно от Бога или святого и дополнительного подтверждения с помощью освящения его представителями ААЦ верующим вовсе не требуется. Очевидно, и социальный статус человека, построившего часовню под влиянием провидческого сна, менялся, равно как и статус его семьи.

Одна религия, две традиции

В Армении сосуществуют две параллельные мощные религиозные культуры христианского апостольского вероисповедания и практик с ним связанных. Одна – это официальная ААЦ с церквами, священством и окормляемой паствой, вторая – это вернакулярные практики и верования собственно самой паствы, точнее ее значи-

¹ *Цар* в пер. с арм. «дерево». *Сурб Цар* – святилище на месте священного дерева, оно построено коллективно жителями села – пастухами и доярками – в 1970-е гг. Святилище находится на горе, рядом с горным серпантинном. С ним связан ряд легенд и множество историй о чудесных спасениях водителей. И, хотя самого дерева уже нет, это святилище – одно из самых популярных и почитаемых в комплексе *сурбов* села.

² *Матах* – ритуальное жертвоприношение. О символизме и истории *матаха* см.: Арутюнов 2009; Тер-Саркисянц 1998: 223–224, о практиках *матаха* в изучаемом районе Армении см.: Крюкова 2018: 84–86.

³ Подробнее о визионерских практиках в связи с современным строительством церквей см. исследование Юлии Антонян «Church, God and Society: Towards the Anthropology of Church Construction in Armenia» (Antonyan 2014).

тельной части. К ним и относится феномен *сурбов*. Представители ААЦ относятся к подобным практикам, в целом, как к языческим предрассудкам, сельских жителей часто упрекают в невежестве и искажении «истинной сути апостольского христианства» (ПМА 2015). Священники, как правило, советуют книги, хачкары, изображения религиозного содержания из домашних *сурбов* относить в церковь. Сами же почитатели *сурбов* не противопоставляют себя церкви и конфессиональному вероучению и считают себя истинными последователями апостольского христианства.

В последние годы в Армении на фоне усиления политического влияния ААЦ и ее стремления закрепить за собой статус единственного оплота истинного армянского апостольского христианства все сильнее звучит тема «правильного» и «неправильного» христианства. «Истинное» Апостольское Христианство противопоставляется «искаженному», «народному», равно, как и любым иным религиозным течениям, в целом¹. ААЦ стремится взять под контроль религиозность и стандартизировать формы ее проявления, в том числе и получить контроль над популярными местными святилищами – сложившимися пространствами проявления вернакулярной религиозности. Попытки повлиять на религиозную жизнь местных сообществ, ограничить свободу выбора индивидуального религиозного поведения болезненно воспринимаются частью верующих (*Abramyan et al.* 2018: 75–85, 91)².

Апостольское Христианство является для армян базовой общеармянской ценностью. При этом в сельской местности в рамках апостольского христианства мы можем наблюдать мощную религиозную традицию, существующую параллельно институализированной и официальной. Вернакулярные духовно-религиозные практики незримо вплетены в общий социальный, экономический, идеологический фон жизни сельских сообществ, являются неотъемлемой частью повседневной жизни людей и создают уникальный, присущий конкретной локальной общине религиозный ландшафт.

Источники и материалы

ПМА 2015, ПМА 2016, ПМА 2018 – Полевые материалы автора, собранные в городах Ереван, Дилиджан, Эчмиадзин, Апаран, Аштарак, Чамбарак, Севан, селах Апаранского района (Арагацотнский марз) и селах Чамбаракского района (Гегаркуникский марз) в 2015–2018 гг.

Научная литература

Абрамян Л.А. Танец вокруг горы: тоталитаристский праздник национальной идентичности в постсоветской Армении // Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности / сост. Г.Ч. Гусейнов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 263–294.

Антонян Ю. Религиозно-магические и целительские практики в современной городской среде Армении // Разгадать Южный Кавказ: общества и среда обитания / науч. ред. Е. Герасимова, отв. ред. Н. Ложавя. Вып. 3. Тбилиси: Heinrich Boell Stiftung, 2008. С. 109–129.

Крюкова Н.В. Народное христианство в Армении: традиции и современность. Традиционная

¹ Позиции ААЦ особенно укрепились после принятия Конституция 2005 г. Она фиксирует принципы религиозной свободы, отделения церкви от государства, но отмечает особый статус ААЦ (ст. 8.1).

² ААЦ болезненно реагирует на случаи миссионерства и прозелитизма в отношении армян со стороны иных конфессий и считает своей паствой всех этнических армян, в том числе и традиционную армяно-католическую общину. О взаимоотношениях ААЦ с другими христианскими конфессиями см.: (*Микаэлян* 2014).

культура, 2018. Т. 19. № 3. С. 80–90.

Микаэлян Г. Армянская апостольская церковь и общество в современной Армении // Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности / сост. Г.Ч. Гусейнов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 216–262.

Одабашян А.А. Народные верования армян (по материалам рукописных талисманов XV–XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. VI. М.: Академия наук СССР, 1976. С. 107–130.

Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Наука, 1989. 397 с.

Abramyan L. Armenian identity in a changing world. CA: Mazda Press, 2006.

Abramyan L., Hambardzumyan Z., Shagoyan G., Stepanyan G. The chain of seven pilgrimages in Kotaik, Armenia. Between folk and official Christianity // Sacred places, emerging spaces. Religious pluralism in the post-Soviet Caucasus / ed. by Ts. Darieva, F. Mühlfried, K. Tuite. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018. P. 70–96.

Antonyan Yu. Church, god and society: towards the anthropology of church construction in Armenia // Armenian Christianity today / ed. by A. Agadjanyan. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. P. 35–56.

Harutyunyan S. B., Kalantaryan A. A. Tukh Manuk. Yerevan: Hayastan, 2001.

Marutyanyan H. «The saint of the home»: the problem of sources and present-day functioning // Hayots srbere ev srbavayrere (Armenian's saints and sacred places) / ed. by S. Harutyunyan, A. Kalantaryan. Yerevan: Hayastan Press, 2001. P. 337–346.

Petrosyan H. Writing and the book // Armenian folk arts, culture and identity / ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington: Indiana University Press, 2001. P. 52–69.

References

Antonyan, Yu. 2008. Religiozno-magicheskie i tselitel'skie praktiki v sovremennoi gorodskoi srede Armenii [Religious-magical and healing practices in the modern urban environment of Armenia]. In *Razgadat' Yuzhnyi Kavkaz: obshchestva i sreda obitaniya* [Unraveling the South Caucasus: societies and habitat], edited by E. Gerasimova and N. Lozhava. Vol. 3. Tbilisi: Heinrich Boell Stiftung: 109–129.

Antonyan, Yu. 2011. Religiosity and religious identity in Armenia: some current models and developments. *Acta Ethnographica Hungarica* 56 (2): 315–332.

Antonyan, Yu. 2014. Church, god and society: towards the anthropology of church construction in Armenia. In *Armenian Christianity today*, edited by A. Agadjanyan. Farnham; Burlington: Ashgate: 35–56.

Harutyunyan, S. B., and A. A. Kalantaryan. 2001. *Tukh Manuk* [The Dark Youth]. Yerevan: Hayastan.

Kryukova, N.V. 2018. Narodnoe khrisianstvo v Armenii: traditsii i sovremennost' [Folk Christianity in Armenia: traditions and nowadays]. *Traditsionnaya kul'tura* 19 (3): 80–90.

Marutyanyan, H. 2001. «The saint of the home»: the problem of sources and present-day functioning. In *Hayots srbere ev srbavayrere (Armenian's saints and sacred places)*, edited by S. Harutyunyan and A. Kalantaryan. Yerevan: Hayastan Press: 337–346.

Mikaelyan, G. 2014. Armyanskaya apostol'skaya tserkov' i obshchestvo v sovremennoi Armenii [Armenian Apostolic Church and society in modern Armenia]. In *Bol'shoi Kavkaz dvadtsat' let spustya. Resursy i strategii politiki identichnosti* [Greater Caucasus twenty years later: resources and strategies of politics and identity], edited by G.Ch. Guseinov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 216–262.

Odabashyan, A.A. 1976. Narodnye verovaniya armyan (po materialam rukopisnykh talismanov XV–XIX vv.) [Folk beliefs of the Armenians (according to the materials of handwritten talismans of 15th – 19th centuries)]. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [The Caucasian ethnographic collection]. Vol. VI. Moscow: Akademiya nauk SSSR: 107–130.

Petrosyan, H. 2001. Writing and the book. In *Armenian folk arts, culture and identity*, edited by L.

Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington: Indiana University Press: 52–69.

Ter-Sarkisyants A.E. 1989. *Armyane. Istoriya i etnokul'turnye traditsii* [Armenians. History and ethno-cultural traditions]. Moscow: Nauka.

N.V. Kryukova. **The Religion of the Flock: Rural surbs in modern Armenia**

According to opinion polls, Armenia is one of the most religious countries in Europe. However, in some villages of the Aparan district Aragatsotn Marz parish life is almost completely absent. Everyday religiosity of the locals is connected with surbs – home and rural sanctuaries. These include some natural objects in the surrounding villages. Two parallel systems coexist in Armenia's religious culture. One is the official Armenian Apostolic Church with its churches, a priesthood, and its spiritually cared flock, the other one includes vernacular practices and beliefs of much of this very flock. Rural surb is one of the phenomena of vernacular religious culture. The article attempts to typologize surbs, describes the rituals and practices of veneration of rural shrines.

Key words: *Armenians, surb, vernacular practices, Christianity, rural community*

РЕЦЕНЗИИ И ХРОНИКА

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/266-270

© *М.М. Герасимова, Н.А. Лейбова,
А.В. Дедик (Южакова)*

ХРОНИКА V МОЛОДЕЖНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (25–28 МАРТА 2019 г., МОСКВА)*

Статья представляет собой хронику о прошедшей V Молодёжной антропологической конференции «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы».

Ключевые слова: *физическая антропология, конференция*

25–28 марта с. г. в Москве, в стенах Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН, прошла V Молодёжная антропологическая конференция «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы», организованная Центром физической антропологии ИЭА РАН.

Как большой успех конференции можно рассматривать увеличение числа принявших участие в ее работе и расширение географии участников. Докладчики представляли такие города как Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Казань, Томск, Пенза, Кемерово, Псков, Уфа, Луганск. Конечно, наибольшее число докладчиков (15) было из Москвы, но что показательно, не только из НИИ и музея антропологии и кафедры антропологии МГУ, но и из Государственного Дарвиновского музея, Биологического музея им. К.А. Тимирязева, из Центра палеоэтнологических исследований, из Института археологии РАН, а также Российского государственного университета

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.
Margarita M. Gerasimova – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

Лейбова Наталья Александровна - к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nsuvorova@mail.ru.
Natalya A. Lejbova – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nsuvorova@mail.ru

Дедик (Южакова) Алёна Владимировна – специалист Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири, Гуманитарного института СФУ, (Красноярск, Свободный проспект, 82 А). Эл.почта: ejara.ru@mail.ru.
Alyona V. Dedik (Yuzhakova) – Institute for the Humanities, SFU, Russia (Krasnoyarsk, Svobodny prospect, 82 A). E-mail: ejara.ru@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН